

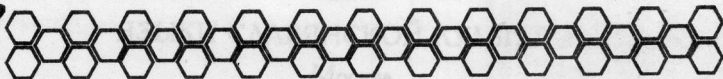
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМИ П. Я. ШУБЕРГА

STUDIA PHILOLOGICA

Е. В. УРЫСОН

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

АНАЛОГИЯ В СЕМАНТИКЕ

2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Е. В. УРЫСОН

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

АНАЛОГИЯ В СЕМАНТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2003

ББК 81.2Рус
У 68

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16149

Урысон Е. В.

У 68 Проблемы исследования языковой картины мира:
Аналогия в семантике / Рос. академия наук. Ин-т
русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки
славянской культуры, 2003. — 224 с. — (Studia phi-
lologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-123-3

В монографии на материале современного русского языка демонстрируется, что картина мира, закрепленная в семантической системе языка, может разительно отличаться не только от научной картины мира (факт, хорошо известный в лингвистике), но и от наших обиходных, житейских представлений. Делается попытка теоретически объяснить это явление. Моделируется механизм действия аналогии в семантической системе языка. Исследуется ряд теоретических проблем, в частности: возможность описания семантики естественного языка средствами самого естественного языка; критерии деления многозначного слова на значения и др. Основное внимание в книге уделяется словам, указывающим на фундаментальные человеческие способности (*душа, ум, разум, интеллект, память, совесть, воображение* и т. п.).

Книга адресована широкому кругу лингвистов.

81.2Рус

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-123-3

9 785944 571236 >

© Е. В. Урысон, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	9
------------------	---

Часть I

Языковое представление об устройстве человека («наивная анатомия»)

Введение	19
Глава 1. Невидимые органы внутри человеческого тела	21
1. <i>Душа и сердце</i>	21
2.1. <i>Ум, разум, рассудок и интеллект</i> : общая характеристика	27
2.2. Смысловые различия между лексемами <i>ум, разум, рассудок и интеллект</i>	31
3. <i>Совесть</i>	34
4. <i>Память</i>	37
5.1. <i>Воображение и фантазия</i> : общая характеристика	41
5.2. Смысловые различия между лексемами <i>воображение и фантазия</i>	43
6. <i>Слух и зрение</i>	45
7. Другие невидимые органы: <i>воля, способности, чувства</i>	47
8. Лингвистическая типология невидимых органов	49
9. Интерпретация языковой модели человека: аналогия в семантике.....	51
Глава 2. Невидимые субстанции внутри человеческого тела	60
1.1. <i>Дух</i>	60
1.2. Структура полисемии слова <i>дух</i>	63
Экскурс 1. Логическая схема полисемии многозначного слова.....	70
2. <i>Дух и душа</i> в «модели человека»	72
3.1. <i>Силы</i>	73

3.2. <i>Энергия</i> — синоним лексемы <i>силы</i>	77
4. <i>Терпение</i>	78
5. К типологии невидимых субстанций	81
Глава 3. Модель восприятия в русском языке.....	82
1. Органы восприятия.....	82
2. Активное восприятие.....	87
3.1. Лексема <i>взгляд</i>	89
Экскурс 2. Семантические примитивы, семантические кварки и «конгломераты».....	97
3.2. Глагол <i>смотреть</i> и лексема <i>взгляд</i>	109
Заключение к части I. Семантическая система языка, языковая картина мира и процесс речевой деятельности.....	114
Приложение 1. <i>Мысль, идея, дума</i>	117
Приложение 2. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы <i>округа</i> и <i>район</i>).....	128

Часть II

Противопоставление «предмет VS. ситуация» в семантической системе русского языка

0.1. Существительное VS. глагол: проблема категориального значения части речи.....	137
0.2. Объект исследования: отглагольные существительные со значением ситуации («имена действия»).....	139
1. Синтаксическая деривация и прототипические классы слов	141
1.1. Диагностические контексты для классификации ситуаций внешнего мира.....	141
1.2. Классификация ситуаций по типу их восприятия человеком (зрение VS. слух).....	145
1.3. Правило деривации	151
1.4. Предметы с точки зрения их восприятия человеком	151
2. Синтаксическая деривация и некоторые системные изменения семантики слова.....	156
3. Лексикографическое описание имен действия.....	161
Заключение к части II. Опозиция «существительное VS. глагол» в русском языке	165

Часть III
«Несостоявшаяся полисемия»
и некоторые ее типы

0.1. Объект исследования	171
0.2. Полисемия или моносемия?	173
1. Сдвиг семантического акцента в значении лексемы (тождество компонентов дизъюнкции)	176
1.1. Лексема <i>небо</i>	176
1.2. Отглагольные существительные типа <i>шелестенье</i>	181
1.3. Правила реализации компонентов значения этого типа	184
1.4. Альтернативное описание данного материала	185
1.5. Пограничные случаи. Лексемы <i>предчувствие</i> , <i>голод, аппетит</i>	187
2. Вложение одного компонента дизъюнкции в другой	194
3. Мера различий между компонентами дизъюнкции	197
3.1. Компоненты дизъюнкции — большие фрагменты толкования	197
3.2. Компоненты дизъюнкции — относительно небольшие фрагменты толкования.....	200
4. Связка 'или' в толковании лексемы	205
5. Схема семантического определения моносемии вида $A = 'B \text{ или } C'$	207
Заключение к части III. Лабильность значения лексемы	210
Заключение	213
Литература	216

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты.)

Тот факт, что языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами (т. е. значениями лексем и граммем), но самым способом выделения значений, самым способом восприятия и осмысления мира, по-видимому, впервые был осознан В. Гумбольдтом (Гумбольдт 1984). Согласно его учению, различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нем говорящего.

В лингвистике XX века эти идеи Гумбольдта были развиты и уточнены. Особенности концептуализации мира тем или иным языком были продемонстрированы на огромном фактическом материале. Во-первых, в ходе описания т. н. экзотических языков (индейских, австралийских, австронезийских) было выявлено удивительное различие в способах концептуализации, присущих этим языкам, с одной стороны, и индоевропейским языкам, с их привычными для исследователя категориями, — с другой; ср. работы Э. Сепира (Сепир 1993; Сепир 1931), Б. Уорфа (Уорф 1960а—б), Х. Хойера (Хойер 1948), А. Вежбицкой (Вежбицкая 1992; Годдард — Вежбицкая 1994) и многие другие. Во-вторых, результатом интенсивного развития семантики явились описания целых семантических полей, а по существу — фрагментов языковой картины мира, представленных в ли-

тературных европейских языках, в частности — в русском, а также сравнение этих полей в разных языках; ср. труды Ю. Д. Апресяна, в том числе созданный под его руководством «Новый синонимический словарь русского языка» (далее НОСС), где каждая словарная статья представляет описание «кусочка» языковой картины мира; исследования А. Вежбицкой, В. Г. Гака (Гак 1966; 1975), В. З. Санникова (Санников 1989), Е. С. Яковлевой (Яковлева 1994) и многие другие работы.

Однако изучение языковых моделей мира не ограничивается их описанием и типологическим сравнением: они становятся объектом интерпретации в рамках целого комплекса наук о человеке. Картина мира того или иного конкретного языка рассматривается в широком контексте фольклора, мифологии, культуры данного народа, причем иногда трактуется даже как непосредственное отражение психологии народа. См., например, труды Ф. Боаса (Боас 1911), Э. Сепира, Б. Уорфа, Х. Хойера и других исследователей, посвященные языкам и культуре американских индейцев; уже упоминавшиеся работы А. Вежбицкой; исследования Н. И. Толстого, С. М. Толстой и их сотрудников, посвященные славянской народной культуре (Толстой 1997; Славянские древности); работы С. Е. Никитиной (Никитина 1993), Т. В. Цивьян (Цивьян 1990), И. Бартминского и его коллег (Бартминский 1980; Этнолингвистика); исследования в русле направления, развиваемого Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1988; ЛАЯ 1991, 1992, 1993, 1994, 1999, 2000а, 2000б; Судьба 1994).

Особое направление в изучении языковой модели мира — это восстановление ее фрагментов в том или ином мертвом языке или праязыке. Как правило, это фрагменты, относящиеся к материальной культуре народа, к отношениям внутри рода, семьи и т. п.; ср. классические труды Э. Бенвениста (Бенвенист 1970), а также О. Н. Трубачева (Трубачев 1959; 1966), Т. Н. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (Гамкрелидзе — Иванов 1984). Однако делаются попытки восстановить и архаичные представления людей о мире; см., например, Иванов — Топоров 1965; Маковский 1995. Важнейшую роль в этих исследованиях играют исторические и этимологические словари конкретных языков, в частности «Словарь русского языка XI—XVII вв.» под редакцией Г. С. Бархударова, позднее — Г. А. Богатовой, и «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева. Именно к этому направлению компаративистики в наибольшей степени приложимы образные слова В. М. Иллича-Свитыча: лингвистика — это «лопата для историка».

Объект предлагаемой работы — современный русский язык, поэтому мы сосредоточимся на проблемах, возникающих при описании языка в синхронии. Перед тем как переходить к их существу, напомним некоторые общепринятые положения о языковой картине мира.

Языковую картину мира обычно противопоставляют научной¹. Различие между языковой и научной картинами мира особенно ярко проявляется при анализе тех слов естественного языка, которые используются в качестве научных терминов; ср. *звезда, вода, свет, тепло, горение, высота, точка, линия* и т. п. Значение научного термина развилось, «выросло» из значения обычного слова, однако термин определяется в системе научных понятий, а она бывает весьма далека от системы лексических значений, закрепленных в естественном языке. Ср. ставший хрестоматийным пример Л. В. Щербы: «*Прямая* (линия) определяется в геометрии как ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’. Но в литературном языке это, очевидно, не так. ... *Прямой* мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» (Щерба 1974: 280). Подчеркивая «донаучный» характер языковой модели мира, ее называют также *наивной* (Апресян 1995а). Хотя научная картина мира, вообще говоря, описывается средствами естественного языка, собственно объектом лингвистики является лишь языковая, *наивная*, картина мира².

Языковую, или *наивную*, картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных (обывательских, житейских, бытовых) представлений о мире; см., в частности, Апресян 1995а; Яковлева 1994. Заметим, что на аналогичном предположении основана и гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа, в соответствии с которой наши обиходные представления формируются языковой картиной мира³. Иными словами, считается, что язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации).

---

¹ О множественности картин мира см. Человеческий фактор 1988 и, в особенности, Постовалова 1988.

² Приведем слова Ю. А. Мазеля, исследовавшего психологическую, интеллектуальную и этическую лексику «Песни о Нибелунгах»: «Не отражение в языке философских, религиозных, правовых и пр. идей эпохи составляет предмет изучения, а та стихийная, бессознательная идеология, которая проявляется в самой структуре языка» (Мазель 1969: 329).

³ «Мы бессознательно переносим установленные языком нормы в область опыта» (Сепир 1931, цит. по: Звегинцев 1960: 117).

Отчасти в связи с этим принято думать, что лингвиста, описывающего языковую картину мира, ждут открытия двух типов. С одной стороны, исследуемый фрагмент языковой модели мира может необыкновенно точно соответствовать нашим, до сих пор никем не эксплицированным, обиходным представлениям о данном кусочке действительности. С другой стороны, этот же фрагмент наивной картины мира может удивительно отличаться от научного знания, которое современный образованный человек склонен рассматривать как эталон «правильных представлений» (ср. анализ слова *высота* у Ю. Д. Апресяна, см. Апресян 1995а: 58—59)⁴.

Поскольку языковая модель мира закреплена и выражена в первую очередь в языке, в его лексике и значимых грамматических категориях, то метод описания данного объекта — это семантический анализ лексических и грамматических значений того или иного конкретного языка. Ясно, что только обобщая результаты тщательного семантического анализа лексем и грамем, относящихся к выбранному семантическому полю, исследователь может делать правдоподобные выводы о том, как членится языком выбранный «кусочек действительности», какие атрибуты вещей и ситуаций трактуются языком как существенные, а какие им игнорируются, и т. д.

Здесь исследователя и может ждать непредвиденное препятствие. Дело в том, что язык представляет собой, вообще говоря, автономную систему, развивающуюся и функционирующую по своим собственным внутренним законам. Верно ли, что эта автономная система непосредственно отражает наши обиходные представления? Вправе ли мы считать, что семантическая система естественного языка тождественна системе наших житейских представлений о мире?

Цель настоящей работы — показать, что семантическая система языка является особым объектом, который, вопреки распространенному мнению, может быть противопоставлен не только научной картине мира, но и нашим житейским, обиходным представлениям.

---

⁴ Впрочем, известно, что «интуитивные представления о вещах не всегда расходятся с научными» (Апресян 1995а: 299). Лингвисты неоднократно отмечали, что «в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой» (Яковлева 1994: 10), поскольку «историческая практика человечества неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий» (Апресян 1995а: 299).

Мы продемонстрируем это на двух фрагментах семантической системы русского языка. Первый — это «модель человека». Для выявления данного фрагмента наибольший интерес представляют слова *дух* и *душа*, а кроме того — обозначения фундаментальных способностей человека, ср. *ум*, *совесть*, *память*, *воображение*, а также *сила*, *терпение* и т. п. Особое место в семантической модели человека занимает «модель восприятия»; ср. лексемы *слух*, *зрение*, *взгляд*. Этому фрагменту системы языка посвящена часть I.

Второй класс слов, демонстрирующих определенное несоответствие обыденных представлений и языка, — отглагольные «имена действия» типа *прощание*, *рытье*, *шелестенье*. Это один из тех классов лексем, которые размывают семантическое основание у распределения слов по частям речи. Действительно, если в языковой картине мира есть противопоставление «ситуация VS. предмет», то в чем оно выражается? Казалось бы, ситуации обозначаются глаголами, а предметы — существительными. Однако в русском языке ситуации могут обозначаться и существительными — именами действий. Описывая имена действий, обычно ограничиваются указанием на то, что они выражают значение предметности. Оно усматривается в этих существительных по аналогии с производными существительными типа *человек*, *цветок*. Однако на данном этапе развития семантики условные метки типа «предметность» уже не раскрывают существа дела. Остается неясным, имеет ли частеречная характеристика слова (в данном случае противопоставление глагола и существительного) какие-то корни в семантической системе языка или это всего лишь грамматический признак, «носитель» грамматических категорий. Противопоставлению «ситуация VS. предмет» и семантике имен действия посвящена часть II.

В обеих частях книги делается также попытка понять причины несоответствия выбранных фрагментов семантической системы языка обыденным представлениям. Мы полагаем, что развитие языковой системы не связано с нашими обыденными, житейскими представлениями напрямую: семантика отчасти развивается по своим собственным внутренним законам, сближаясь тем самым с другими уровнями языка (фонетикой, морфологией, синтаксисом). Мы попытаемся хотя бы в первом приближении описать эти внутренние семантические закономерности.

Полученные нами результаты ставят еще один вопрос: что такое языковая картина мира? Тождественна ли она семантической систе-

ме языка или представляет собой особый объект? В работе сделана попытка очертить объем данных понятий.

При описании значения выбранных слов мы столкнулись с некоторыми специальными проблемами теоретической семантики и лексикографии.

Первая из них — проблема выбора семантического метаязыка. Должен ли он быть естественным, как это принимается в большинстве современных работ? Этот вопрос возникает при описании отглагольных существительных (ср. *взгляд*, *прощание*) и обсуждается непосредственно при анализе данных слов, т. е. в частях I и II.

Другой круг проблем связан с делением слова на значения. Каковы критерии, по которым полисемичное слово членится на значения? Как подавать в словаре так называемые промежуточные значения слова? Как отразить в словарном описании постепенное изменение значения слова, выветривание одних его компонентов и появление других? Эти вопросы обсуждались в работах Ю. Д. Апресяна (см. в особенности Апресян 1995а; 2001), Д. Н. Шмелева (Шмелев 1973), Е. Куриловича (Курилович 1962б), У. Вейнрейха (Вейнрейх 1980), И. М. Богуславского (Богуславский 1996) и многих других исследователей, однако их целостное решение еще не найдено. Заметим, что, с одной стороны, деление того или иного слова на лексем⁵ — это в большой степени вопрос лексикографической техники. С другой стороны, деля слово на значения, лингвист интуитивно опирается на какие-то закономерности системы языка. Эти закономерности требуется выявить. Данной проблеме посвящена часть III.

* * *

Первоначальный вариант этой работы читали и обсуждали с автором В. Г. Гак, Т. М. Николаева, А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев и Е. С. Яковлева, которым автор выражает свою глубокую признательность. Автор глубоко благодарен покойной Т. В. Булыгиной за тонкие критические замечания, высказанные при чтении первоначального варианта книги.

В основу предлагаемого исследования легли словарные статьи, написанные автором для НОСС. Все они обсуждались на рабочих семинарах сектора теоретической семантики Института русского

---

⁵ В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово в одном из его значений.

языка РАН. Автор благодарит участников семинара О. Ю. Богуславскую, М. Я. Гловинскую, Т. В. Крылову и И. Б. Левонтину за полезные критические замечания. Свою самую глубокую благодарность автор приносит руководителю семинара Ю. Д. Апресяну за в высшей степени ценные и стимулирующие замечания, высказанные как по описаниям отдельных слов, так и по первоначальному варианту отдельных глав этой книги.

Автор пользуется случаем выразить благодарность Фонду «Открытое общество», при частичной финансовой поддержке которого было выполнено данное исследование (проект NH2C705K).

Часть I

Языковое представление об устройстве человека («наивная анатомия»)

ВВЕДЕНИЕ

Модель человека, представленная в семантической системе русского языка, коренным образом отличается от современного естественно-научного представления об устройстве человеческого тела. Дело в том, что в русском языке закреплена модель мира, основная особенность которой заключается в следующем: объекты мироздания бывают двух типов — видимые (и осязаемые) и невидимые, неосязаемые, причем реальность объектов второго типа ничуть не меньше, чем реальность обычных, видимых предметов. Иными словами, кроме видимого, материального мира существует еще мир невидимый, идеальный¹.

В соответствии с этим представлением внутри человеческого тела тоже имеются сущности двух видов — обычные, «реальные» органы и субстанции (например, сердце, печень, кровь, желчь) и сущности невидимые, «представляемые». Примером последних могут служить душа и дух. Невидимые сущности вполне аналогичны обычным органам и субстанциям — так, они имеют свои, четко очерченные функции, однако представление о разных таких сущностях развито в языке в разной степени: некоторые из них обладают полным или почти полным набором свойств, характеризующих обычные органы (субстанции), а представление о других таких сущностях лишь намечено.

Нам удалось выявить специфику «модели человека», зафиксированной в семантической системе русского языка, благодаря анализу лексем, не имеющих, на первый взгляд, никакого отношения к анатомии. Это существительные, обозначающие в основном фундамен-

---

¹ Эта особенность языковой картины мира, скорее всего, является универсальной: вряд ли найдется такой естественный язык, в котором не было бы специальных слов для описания невидимого, неосязаемого, нематериального мира.